

нивелирующей силой смех страшно популярен и прилипчив; начавшись в скромном кабинете, он идет расширяющимися кругами до пределов грамотности»¹. Герцен отмечал силу и мощь вольтеровской сатиры: «Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо»².

В художественных произведениях самого Герцена его сатира поистине предстает как «одно из самых острых орудий разрушений» всех уродливых явлений николаевской России, в какие бы внешне величественные мантии они ни рядились. Герцен не случайно с горячим сочувствием отмечал разящую силу сатирического смеха Вольтера. В своей ненависти к самодержавному строю, в стремлении увидеть уничтоженной «фасадную империю» писатель-революционер рассматривал Вольтера-сатирика как единомышленника. По своей идейно-художественной направленности сатира Герцена родственна сатире великого французского насмешника, так же пронизана блестящей и тонкой мыслью.

Среди современников Герцена, Белинский одним из первых верно и тонко отметил главные свойства художественного таланта Герцена: необыкновенную живость, остроту и силу его мысли, — глубокой, ясной, насыщенной политической и философской зрелостью трибуна, ученого и мыслителя, позволявшей писателю придать изображаемым им явлениям исключительно отчетливые в идейном отношении очертания.

Эти особенности реализма Герцена проявились непосредственным образом и в свойствах его сатиры. Ее сущность выразилась не столько в присущей Пушкину, Гоголю, Тургеневу и другим писателям-реалистам манере конкретно-объективного и всестороннего изображения явления, сколько в блестящих, остроумных размышлениях «по поводу», в неожиданных ассоциациях мысли, в скрытых и полускрытых намеках, в внешне парадоксальных, но исключительно глубоких и верных замечаниях и определениях. Стремясь наиболее действенно покарать и уничтожить социальное зло, ставшее объектом его нападения, беспощаднее обнажить его сокровенные уголки, Герцен использует всесторонний арсенал своего неистощимого остроумия. Гоголь и Тургенев очень редко прибегали к «отвлеченностям» при показе того или иного объекта сатирического осмеяния, в то время как произведения Герцена буквально наполнены ими. Он сближает свои сатирические образы с понятиями и категориями различных научных областей: логики, философии, истории, физики, химии, биологии, медицины. Своей сатирической повести *Доктор Крупов* Герцен придал характер «научного трактата», подчеркнутого следующим подзаголовком: *О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности. Сочинение доктора Крупова.*

Основная «соль» сатиры в этой повести как раз и заключается в том, что доктор Крупов, вымышленный автор «трактата», делится с читателем своими наблюдениями над всевозможными уродливыми, алогичными и нелепыми проявлениями в общественной жизни и в быту. Но доктор Крупов прикидывается наивным: делая вид, будто он не понимает, что речь идет по существу о социальных болезнях самодержавно-крепостнического общества, он переключает свои наблюдения в область психиатрии и определяет приведенные им различные «патологические» случаи как проявления психических заболеваний. Так, например, Крупов рассказывает о том, что

¹ А. И. Герцен, *Собр. соч.* в 30-ти томах, т. XIV, 1958, стр. 117.

² Там же, т. V, 1955, стр. 89.